

Институт славяноведения РАН
Центр славяно-германских исследований

ВЛАСТЬ И ОБРАЗ

Очерки потестарной имагологии

Ответственные редакторы
М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2010

УДК 321.01
ББК 87.7
В58

Материалы сборника подготовлены при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект 04-01-00277а)

Ответственные редакторы: *М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский*

Редакционная коллегия:

А. Ф. Литвина, С. М. Михеев, О. И. Тогоева

Рецензенты:

А. П. Черных, Р. М. Шукуров

В58 Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред.
М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. — СПб. : Алетейя, 2010. — 384 с.
ISBN 978-5-91419-366-6

В сборник включены исследования, выполненные сотрудниками ряда академических институтов и ведущих университетов в рамках потестарной имагологии — новой отрасли исторического знания, изучающей, какие системы образов участвуют в установлении отношений господства и подчинения, в приобретении и удержании власти, в выстраивании связей между различными группами элит, с одной стороны, и между господствующими и подвластными слоями общества, с другой. Авторы сборника прослеживают возникновение и судьбу целого ряда потестарных образов (представленных чаще всего в мифе, тексте, архитектурной конструкции, изображении и ритуале) в культурах прошлого — от Античности до эпохи Великой Французской революции. Конкретные примеры, разбираемые в отдельных статьях, относятся к истории России, а также Древнего Рима, Византии, ряда стран Западной Европы и Америки.

Сборник рассчитан на историков, культурологов, политологов, а также всех, интересующихся прошлым.

УДК 321.01
ББК 87.7

ISBN 978-5-91419-366-6

9 785914 193666

© Коллектив авторов, 2010
© Институт славяноведения, 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

ЗАЧЕМ ПАПЕ РИМСКОМУ ИМПЕРАТОРСКИЙ ФРИГИЙ?

Документ, известный как «Константинов Дар» (в старой русской традиции «Вено Константиново») — *Constitutum Constantini* — относится к числу самых известных и в то же время наиболее загадочных памятников Средневековья. На протяжении вот уже нескольких веков в ученом мире (а нередко и вне его) ведутся дискуссии о том, кем он мог быть заказан и сочинен, где, когда и с какой целью его составили, сразу или по частям, насколько измененным по сравнению с оригиналом дошел до нас его текст, и даже о том, на каком языке — латинском или греческом — была написана его исходная версия¹.

Исследователям не известно ни одного упоминания о «Константинов Даре» ранее того, как его текст появился около 850 г. в составе сборника т. н. Псевдоисидоровых декреталий², получившего самое широкое распространение в латинской Европе и оказавшего сильное влияние на многие стороны церковной жизни.

Мрак, которым покрыта история «Вена Константинова» до 850 г., кажется вдвойне густым из-за весьма раздражающего историков расхождения между содержанием документа, с одной стороны, и особенностями рукописной традиции, с другой. При знакомстве с положениями «Константинова Дара» естественно возникает впечатление, что этот документ

¹ Версию о греческом протографе первым выдвинул, кажется, еще Цезарь Бароний (1538–1607) по соображениям не столько текстологического, сколько идеологического свойства: фальшивку изготовили греки, чтобы навредить римской церкви. В близкие нам времена идею о греческом оригинале «Константинова Дара» страстно отстаивал В. Онзорге, уверенный также и в том, что автором текста был папа Лев III. См., например: *Ohnsorge W. Das Constitutum Constantini und seine Entstehung // Ohnsorge W. Konstantinopel und der Okzident. Gesammelte Aufsätze zur Geschichte der byzantinisch-abendländischen Beziehungen und des Kaisertums. Darmstadt, 1966. S. 93–162.* Его мнение можно считать опровергнутым после исследований Х. Фурмана. К тому же, оказывается, ранние греческие тексты «Константинова Дара» были переведены с таких латинских его версий, которые отстояли от протографа уже довольно далеко. См. об этом: *Loenertz R.-G. Constitutum Constantini: destination, destinaires, auteur, date // Aevum. An. 48. 1974. P. 199–245.* Подробное введение в круг проблем, связанных с «Константиновым Даром», см. в: *Fuhrmann H. Konstantinische Schenkung und abendländisches Kaisertum. Ein Beitrag zur Überlieferungsgeschichte des Constitutum Constantini // DA. Bd. 22. 1966. S. 63–178.*

² Подробнее о них прежде всего см.: *Fuhrmann H. Einfluß und Verbreitung der pseudoisidorischen Fälschungen von ihrem Auftauchen bis in die neuere Zeit. Teile 1–3. Stuttgart, 1972 (MGH Schriften, 24).*

должен был возникнуть в Риме. Более того, обсуждаемые в нем вопросы вроде бы прямо указывают на то время, когда франкский король Пипин Короткий в 754 г. обещал папе римскому Стефану II передать ему обширные территории в Италии (т. н. Пипинов Дар, текст которого не сохранился), а затем в 756 г. действительно добился от побежденного им короля лангобардов Айстульфа уступки ряда областей преемникам Петра.

Однако среди восьми старейших рукописей «Константинова Дара» нет ни одной, которая происходила бы из Рима или его округа. Самый ранний список (конец IX в.) дошел из Сен-Дени, да и все остальные тяготеют вовсе не к Италии, а к северным областям современной Франции³. Возраст же первых известных рукописей дает основание предполагать, что протограф возник скорее в первой половине IX в., нежели в середине VIII в. К тому же в Риме на протяжении не только VIII в., но и еще двух с половиной веков не обнаруживается ни единого намека на то, что там вообще были знакомы с текстом «Константинова Дара». Первая попытка св. Престола использовать «Вено Константиново» в качестве правового обоснования своих интересов относится, как известно, лишь к 1053 г.⁴ Однако этот эпизод уже не имеет никакого отношения к теме данной статьи — как и вся последующая бурная судьба «Константинова Дара»⁵.

³ *Idem*. Das frühmittelalterliche Papsttum und die konstantinische Schenkung. Meditationen über ein unausgeführtes Thema // I problemi dell'Occidente nel secolo VIII. 6–12 aprile 1971. Vol. 1. Spoleto, 1973 (Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 20/1). P. 257–292, здесь P. 261.

⁴ Послание папы Льва IX (возможно, написанное кардиналом Гумбертом) патриарху Константинопольскому Михаилу Керуларию и митрополиту Льву Охридскому. Подробное цитирование в нем «Константинова Дара» показывает, что в папском окружении в это время не только знали документ, но и были уверены в его подлинности. Однако преемник Льва IX — безусловный сторонник всецелого возвеличивания папской власти Григорий VII, как заметил еще Й. Дёллингер, ни разу ни единым словом не сослался на «Вено Константиново». Надо полагать, Григорию VII этот документ представлялся сомнительным — если и не по происхождению, то во всяком случае по содержанию. — *Döllinger J. J.* Die Papst-Fabeln des Mittelalters. Ein Beitrag zur Kirchengeschichte. München, 1863. S. 77–78. См. также: *Krause H.-G.* Das Constitutum Constantini im Schisma von 1054 // Aus Kirche und Reich: Studien zu Theologie, Politik und Recht im Mittelalter. Festschrift für Friedrich Kempf zu seinem 75. Geburtstag und fünfzigjährigen Doktorjubiläum / Hrsg. von Hubert Mordek. Sigmaringen, 1983. S. 130–158.

⁵ Из литературы о рецепции «Константинова Дара» вплоть до кануна Нового времени см. прежде всего: *Laehr G.* Die Konstantinische Schenkung in der abendländischen Literatur des Mittelalters bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. Berlin, 1926 (Historische Studien, 166); *Idem*. Die Konstantinische Schenkung in der abendländischen Literatur des ausgehenden Mittelalters // QFIAB. Bd. 23. 1931/1932. S. 120–181; *Maffei D.* La donazione di Constantino nei giuristi medievali. Milano, 1964.

Естественно, что среди историков возникли две основные партии по вопросу о том, где и когда возник «Константинов Дар»: одна, куда более многочисленная, относит «Константинов Дар» примерно к середине VIII в. и уверена, что составлен он был в Риме⁶, другая же полагает, что этот документ возник во Франкском королевстве при Карле Великом, его сыне и преемнике Людовике, а то и еще позже⁷. Вторая позиция недавно получила поддержку с выходом книги известного франкфуртского историка Йоханнеса Фрида, в которой он пытается доказать, что автора «Константинова Дара» следует искать среди аристократической оппозиции Людовику Благочестивому, в окружении пфальцграфа Валы⁸.

Представляется, что позиции обеих основных «партий» можно было бы до известной степени примирить с помощью простого допущения: исходный текст «Константинова Дара» действительно возник в Риме в середине VIII в., но по каким-то причинам не был тогда опубликован. Иными словами он быстро утратил актуальность и стал не нужен; более того, возможно, в изменившейся ситуации его сочли даже вредным и упрятали в архив. Однако несколько позже то ли сам этот документ, то ли список с него каким-то образом попал в королевство франков, где в силу сложившихся там обстоятельств пришелся весьма кстати⁹. Потеряв актуальность по месту рождения, он обрел ее вновь в других краях и стал, действительно, одним из аргументов в политической борьбе, захлестнувшей каролингскую державу после кончины ее первого императора. Задача данной статьи состоит, однако, не в том,

⁶ В качестве характерного примера см.: *Levison W.* Konstantinische Schenkung und Silvester-Legende // Miscellanea Francesco Ehrle. Vol. 2. Roma, 1924 (Studi e Testi, 38). S. 159–247; *Idem*. Kirchenrechtliches in den Actus Silvestri // ZRG. Bd. 46. KA. Bd. 15. 1926. S. 501–511. Обе статьи перепечатаны в сборнике: *Idem*. Aus rheinischer und fränkischer Frühzeit. Ausgewählte Aufsätze. Düsseldorf, 1948. S. 390–465; 466–473. В Левизон доказывает, что «Константинов Дар» был написан в Риме между 757 и 787 гг. Другой популярный у историков вариант датировки представлен, в частности, в работе: *Traeger J.* Der reitende Papst. Ein Beitrag zur Ikonographie des Papsttums. München; Zürich, 1970 (Münchener Kunsthistorische Abhandlungen, 1). S. 13, где уверенно утверждается, что фальшивка появилась при папе Стефане II (752–757).

⁷ См. прежде всего: *Grauert H.* Die Konstantinische Schenkung // HJb. Bd. 3. 1882. S. 3–30; Bd. 4. 1883. S. 45–95; 525–617; 674–680; *Idem*. Zur Konstantinischen Schenkung // HJb. Bd. 5. 1884. S. 117–120. Согласно X. Грауерту, «Константинов Дар» был составлен в Сен-Дени между 840 и 850 г.

⁸ *Fried J.* Donation of Constantine and Constitutum Constantini. The Misinterpretation of a Fiction and Its Original Meaning. Berlin; N. Y., 2007 (Millennium-Studien, 3). Специально о Вале см.: *Weinrich L.* Wala, Graf, Mönch und Rebell. Die Biographie eines Karolingers. Lübeck; Hamburg, 1963 (Historische Studien, 386)

⁹ Пример отчасти сходного мнения см. в: *De Leo P.* Ricerche sui falsi medioevali I. Il Constitutum Constantini: compilazione agiografica del sec. VIII. Reggio Calabria, 1974. P. 66.

чтобы аргументировать это лишь бегло обозначенное предположение. Здесь будет сделана попытка рассмотреть только одну характерную тему «Константинова Дара» и уже через нее попробовать взглянуть на весь памятник под несколько новым углом зрения.

К числу особенно красочных мест в «Вене Константиновом», всегда привлекавших внимание историков, относится его 16-й «параграф», в котором Константин заявляет, помимо прочего, что он собственноручно возложил на папу Сильвестра свой головной убор — *frugium*¹⁰. Автор «Константинова Дара» вышивает свои узоры по канве, которая была хорошо знакома его современникам. Едва ли не каждый из них знал сюжет легенды о св. Сильвестре, сочиненной вероятнее всего еще в V в. и впоследствии пользовавшейся неизменной популярностью по всему Средиземноморью¹¹. Тем не менее узоры эти отличались своеобразием в трактовках тех или иных мотивов, и для понимания смысла «Константинова Дара» весьма полезно сравнивать его с *Actus Silvestri* — «Деяниями св. Сильвестра», обращая особое внимание на случаи расхождений между ними. Один из таких перед нами. При том, что научного издания исходной версии «Деяний» до сих пор нет (и вряд ли его появления стоит ожидать в ближайшем будущем), сохранившиеся редакции этого памятника не оставляют сомнения в том, что ни о каком *короновании* папы Сильвестра в *Actus Silvestri* речи не было¹². Зато в «Константиновом Даре» автор, напротив, отводит такой коронации весьма важное место — вот только рассказ о ней у него получается странно усложненным и потому вызывающим у читателя дополнительные вопросы.

Согласно версии создателя фальшивки, император Константин, недавно принявший благодать крещения, делает папе Сильвестру (а главное, и всем его преемникам на престоле св. Петра) целый ряд подношений. Первым в этом ряду оказывается Латеранский дворец, «превосходящий любые дворцы по всему свету», на втором месте — «диадема, то есть

¹⁰ Другие частые написания этого слова: *frugium*, *phrugium*.

¹¹ Подробнее см.: *Бойцов М. А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 225–232.

¹² См. основную литературу по истории текста «Деяний св. Сильвестра»: *Pohlkamp W.* Tradition und Topographie: Papst Silvester I. (314–335) und der Drache vom Forum Romanum // *Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und Kirchengeschichte*. Bd. 78. 1983. S. 1–99; *Idem.* Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvester-Akten // *Francia*. Bd. 19. Teil 1. 1992. S. 115–196; *Canella T.* *Gli Actus Silvestri*. Genesi di una leggenda su Costantino imperatore. Spoleto, 2006 (Uomini e mondi medievali, 7). На слишком старую литературу по проблеме, к сожалению, опирается: *Старостин Д. Н.* «Житие папы Сильвестра» и новые данные о рукописной традиции текста // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва 20–21 октября 2008 года. М., 2008. С. 126–129.

венец» с головы государя¹³. Третьим следует фригий (иными словами фригийская шапка, фригийский колпак)¹⁴, о котором несколькими строками ниже говорится, что он сияет белизной (*candido nitore*), четвертым — лор (лорос) с шеи императора, а за ним еще целый ряд знаков власти (пурпурные облачения, знамена, жезлы и т. п.), являвшихся характерными атрибутами императора и, видимо, только его одного.

Многие историки проявили полную доверчивость к сообщению «Константинова Дара» по поводу фригия и решили, что головной убор римских пап VIII или IX в. действительно происходил от одного из царских венцов — потому ли, что государи папам его пожаловали, потому ли, что папы его сами, без всякого разрешения, узурпировали¹⁵. При этом исследователи почему-то совершенно не обращали внимания на следующие же слова «Дара», которые менее всего свидетельствуют о достоверности «исторических разысканий» автора по поводу папских инсигний. Происхождение той части императорских облачений, которая известна как лор, в литературе уже достаточно прояснена: в лор превратилась после ряда изменений парадная тога римского триумфатора — трабея¹⁶. Не представляет собой загадки и *superhumerales*,

¹³ «Pro quo concedimus ipsis sanctis apostolis, dominis meis, beatissimis Petro et Paulo et per eos etiam beato Silvestro patri nostro, summo pontifici et universali urbis Romae papae, et omnibus eius successoribus pontificibus, qui usque in finem mundi in sede beati Petri erunt sessuri atque de praesenti contradimus palatium imperii nostri Lateranense, quod omnibus in toto orbe terrarum praefertur atque praecellet palatii, deinde diademam videlicet coronam capitis nostri simulque frugium, nec non et superhumerales, videlicet lorum, qui imperiale circumdare assolet collum, verum etiam et clamidem purpuream atque tunicam coccineam et omnia imperialia indumenta...» — *Constitutum Constantini*, 14. Все цитаты из «Вена Константинова» здесь и далее приводятся по изданию: *Das Constitutum Constantini (Konstantinische Schenkung)*. Text / Hrsg. von Horst Fuhrmann. Hannover, 1968 (MGH Fontes iuris, 10) (здесь P. 87–88).

¹⁴ Об использовании этого слова в античности и о связи между фригием и персидской тиарой, чуть ли не о синонимичности их, см.: *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes // *BZ*. Bd. 50. 1957. S. 406–436, здесь S. 424; *Ladner G. B.* Der Ursprung und die mittelalterliche Entwicklung der päpstlichen Tiara // *Tainia. Festschrift für Roland Hampe* / Hrsg. von Herbert A. Cahn und Erica Simon. Bd. 1. Mainz, 1980. S. 449–481, здесь S. 457–458.

¹⁵ Самое авторитетное выражение этого мнения см. в: *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes. Согласно Й. Деэру, фригий является одним из императорских венцов — тиарой.

¹⁶ Подробно см.: *Schramm P. E.* Von der Trabea des römischen Kaisers über das Lorum des byzantinischen Basileus zur Stola der abendländischen Herrscher // *Festschrift Adolf Hofmeister zum 70. Geburtstag am 9. August 1953* dargebracht von seinen Schülern, Freunden und Fachgenossen / Hrsg. von Ursula Scheil. Halle an der Saale, 1955. S. 255–274; *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes. S. 407–417; *Wessel K., Piltz E., Nicolescu C.* Insignien // *RBK*. Bd. 3. Stuttgart, 1978. Sp. 369–498, здесь Sp. 428–444.

videlicet logum, упоминаемый здесь: автор имеет в виду паллий (pallium) — одну из важнейших папских инсигний¹⁷. Конечно, паллий, как и лор, представлял собой длинную и узкую полосу ткани, но таким сугубо формальным внешним сходством дело и ограничивалось. Лор надевался на правое плечо, обматывался вокруг тела и перебрасывался через левую руку. Он делался из очень дорогой ткани и изобильно украшался золотом и драгоценными камнями (Рис. 1). Паллий же представлял собой узкое оплечье, от которого спереди и сзади (т. е. вдоль груди и спины) спускались две полоски ткани. Делался он из белой шерсти и единственным его украшением были вышитые кресты (Рис. 2). По своему происхождению паллий имел с императорским лором еще меньше общего, чем по виду. Т. Клаузер уверен, что паллий изначально не имел никакого отношения к христианской церкви, а представлял собой почетную перевязь, отличавшую государственных чиновников одного из высших рангов. Константин и его преемники включили христианских епископов (прежде всего епископа Римского) в имперскую иерархию, присвоив им чин *illustris*, а следовательно, предоставив и соответствующие ему знаки отличия¹⁸. О. Энгельс решительно возражает против такого «обмирщения» истоков папских инсигний, но сам предлагает куда более сомнительное объяснение его появления: поскольку папа являлся высшей церковной апелляционной инстанцией и для восточных епископов тоже, ему следовало обладать инсигниями, которые имелись у них. На Востоке же все епископы

¹⁷ Самые общие сведения о палии см.: *Kranemann B. Pallium // LexMA. Bd. 6. Sp. 1643–1644; Braun J. Die liturgische Gewandung im Occident und Orient nach Ursprung und Entwicklung, Verwendung und Symbolik. Freiburg im Breisgau, 1907. S. 620–676; Zoltz Th. Pallium et alia quaedam archiepiscopatus insignia. Zum Beziehungsgefüge und zu Rangfragen der Reichskirchen im Spiegel der päpstlichen Privilegierung des 10. und 11. Jahrhunderts // Festschrift für Berent Schwineköper zu seinem siebenzigsten Geburtstag / Hrsg. von Helmut Maurer und Hans Patze. Sigmaringen, 1982. S. 155–175. На протяжении столетий как паллий, так и лор не оставались неизменными, но неоднократно меняли свой внешний вид, однако эти модификации нам в данном случае несущественны.*

¹⁸ *Klauser Th. Der Ursprung der bischöflichen Insignien und Ehrenrechte. Rede gehalten beim Antritt des Rektorats der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn am 11. Dezember 1948. Krefeld, 1948 (Bonner akademische Reden, 1). S. 18–19. Т. Клаузер частично опирается на работу: Duchesne L. Origines du culte chrétien. Etude sur la liturgie latine avant Charlemagne. P., 1920. P. 405. Представление Т. Клаузера, что светская титулатура, соответствующая имперской табели о рангах, была просто перенесена на епископат, серьезно оспаривается в работе: Jerg E. Vir venerabilis: Untersuchungen zur Titulatur der Bischöfe in den außerkirchlichen Texten der Spätantike als Beitrag zur Deutung ihrer öffentlichen Stellung. Wien, 1970 (Wiener Beiträge zur Theologie, 26). Другие возражения против его гипотезы о превращении епископов в имперских чиновников см.: Chrysos E. Die angebliche "Nobilitierung" des Klerus durch Kaiser Konstantin den Grossen // Historia. Bd. 18. 1969. S. 116–129. По поводу этой статьи см. также замечание Х.-У. Бека: BZ. Bd. 69. 1962. S. 176.*

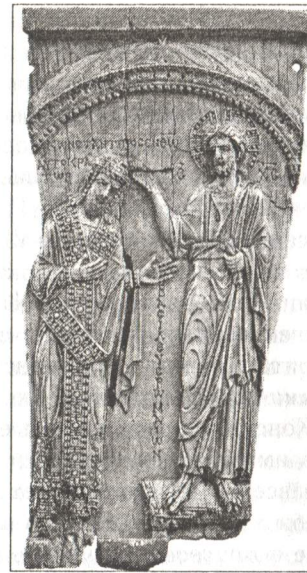

Рис. 1. Константин VII Багрянородный в лоре перед Христом. Резьба по слоновой кости. X в.

Рис. 2. Св. Петр (в паллии) передает паллий папе Льву III. Мозаика. Конец VIII в. Фрагмент. Рим.

в силу своей должности носили омофоры, и паллий папы стал не чем иным, как западным аналогом омофора¹⁹. Хотя предположение о происхождении омофора от императорского лора и высказывалось в литературе, но без каких бы то ни было доказательств²⁰, так что давнее мнение о независимом развитии трабеи-лора и омофора выглядит куда предпочтительнее²¹.

Для данной статьи трудный спор по поводу действительного возникновения паллия, и тем более омофора, совсем не важен: главное, все участники дискуссии признают, что ни папы римские, ни сами императоры не усматривали в палии императорской инсигнии, вопреки тому, что пытается внушить читателю сочинитель «Константинова Дара». Более того, свои паллии папы получали изначально, видимо, именно от

¹⁹ *Engels O. Der Pontifikatseintritt und seine Zeichen // Segni e riti nella chiesa altomedievale occidentale / A cura di Ovidio Capitani. Vol. 2. Spoleto 1987 (Settimane di studio del Centro Italiano di Studi sull'Alto Medioevo, 33; Segni e riti nella chiesa altomedievale occidentale, 2). P. 707–766, здесь P. 744.*

²⁰ *Wessel K., Piltz E., Nicolescu C. Op. cit. Sp. 437, 443–444.*

²¹ *Wilpert J. Der Parallelismus in der Entwicklung der toga und des pallium // BZ. Bd. 8. 1899. S. 490–492.*

императоров. Так же пытались поступать и сепаратистски настроенные по отношению к Риму архиепископы Равеннские (известны случаи 540 и 671 г.). Однако согласно общему правилу, западным митрополитам паллии даровал не император, а папа. Практика передачи паллия выражала тем самым отношения зависимости нижестоящих церковных иерархов от вышестоящих, а тех — от императора. Понятно, что ни о какой узурпации императорской инсигнии в данном случае и речи быть не может.

Кроме того, папы римские носили паллий самое позднее с начала VI в., т. е. задолго до составления фальшивки (как бы ее ни датировать). Это обстоятельство позволяет существенно уточнить намерение автора «Константинова Дара» как раз в разделе, посвященном царским дарам: оно явно не сводилось к тому, чтобы силой авторитета первого христианского императора снабдить епископа Рима *новыми* инсигниями. Папы и без того давно уже носят паллий, однако «Вено Константиново» придает ему совершенно новый смысл, превращая его в императорскую инсигнию, притом пожалованную Константином раз и навсегда (отчего отпадает необходимость обращаться за паллием к кому бы то ни было). Иными словами, цель фальсификатора состоит здесь не в *присвоении* чужого, а в *переосмыслении* уже имеющегося. Почему же мы должны ожидать резкой перемены логики автора в его словах о фригии?

В отдельном абзаце «Вена Константинова» император передает реакцию папы Сильвестра на сделанные ему подарки. Он их не отклонил и, надо полагать, ко всем отнесся благосклонно, за единственным исключением. Государь пожелал, чтобы и Сильвестр, и (что для нас в данном случае существеннее) все его преемники — римские епископы — носили «во славу Господа и к чести блаженного Петра» «диадему из чистейшего золота и драгоценных камней», каковую государь уступил им, сняв со своего чела²². Однако Сильвестр носит уже «во славу блаженного Петра» «корону клирика», то есть тонзуру, и возлагать поверх нее корону из золота он счел неуместным. Зато папа принял фригий, символизирующий своей сияющей белизной воскресение Христово. Константин возлагает его на голову Сильвестра с тем, чтобы и все его преемники, папы римские, но только они одни — *singulariter* — носили фригий, когда будут выступать в процессии-

²² «Decrevimus itaque et hoc, ut isdem venerabilis pater noster Silvester, summus pontifex, vel omnes eius successores pontifices diademam videlicet coronam, quam ex capite nostro illi concessimus, ex auro purissimo et gemmis pretiosis uti debeant et eorum capite ad laudem dei pro honore beati Petri gestare; ipse vero sanctissimus papa super coronam clericatus, quam gerit ad gloriam beati Petri, omnino ipsam ex auro non est passus uti coronam, frygium vero candido nitore splendidam resurrectionem dominicam designans eius sacratissimo vertici manibus nostris posuimus [...] statuentes, eundem frygium omnes eius successores pontifices singulariter uti in processionibus ad imitationem imperii nostri». — *Constitutum Constantini*, 16. (P. 91–93).

ях ad imitationem imperii nostri — «в подражание нашей императорской власти». Данный пассаж с передачей папе, помимо прочего, почему-то двух венцов, а не одного, весьма часто обсуждался в специальной литературе, и разобран историками со всей возможной скрупулезностью. Тем не менее, убедительного объяснения это место, думается, пока не получило, несмотря на множество предложенных его интерпретаций.

Первое упоминание о каком-то особом головном уборе папы относится ко времени, более раннему, чем «Вено Константиново»: согласно свидетельству официальной папской хроники *Liber pontificalis* (правда, записанному только в IX в.), при визите в 711 г. папы Константина I в Константинополь на голове у него был «камелавкий, — как это бывает обычно, когда он [папа] следует [в процессии] в Риме»²³. Таким образом, римские папы с какого-то времени носили если не при богослужении, то во всяком случае во внелитургических ситуациях — таких как процессии — особую шапку. Судя по названию «камелавкий», она скорее всего была округлой либо конической формы. Должно быть, шапка эта воспринималась как знак сана римского епископа, его церковной компетенции — иначе трудно объяснить, почему появление папы в ней на улицах Константинополя стоило специально отмечать в хронике. Согласно предположению А. Грабара, головной убор «патриарха Запада» был создан по образцу того, что украшал головы патриархов Александрийских и нашел отражение в традиционной иконографии св. Кирилла Александрийского²⁴.

Существовала ли преемственность между «камелавкием» Константина и «фригием» «Константинова Дара»? Специалисты дают на этот вопрос противоположные ответы. Так, П. Э. Шрамм исходит именно из того, что камелавкий — головной убор, отличавший высоких императорских чиновников, — со временем просто получил новое название — фригий²⁵. Зато Й. Деэр в прямой полемике с П. Э. Шраммом полагал, что речь здесь

²³ «...apostolicus pontifex cum camelaucio, ut solitus est Roma procedure...» — *Le Liber pontificalis* / Ed. par Louis Duchesne. T. 1. P., 1886. P. 390.

²⁴ Grabar A. L'archéologie des insignes médiévaux de pouvoir // *Journal de savants*. Nr. 8. 1956. P. 6–19, здесь p. 8; *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes. S. 422. В последней работе предполагается, что камелавкий, распространенный на Востоке, носили на Западе, помимо пап, только архиепископы Беневентские. К мнению А. Грабара и Й. Деэра присоединился также: *Ladner G.B.* *Der Ursprung*. S. 453.

²⁵ *Schramm P.E.* *Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*. Bd. 1. Stuttgart, 1954 (MGH Schriften, 13/1). S. 54–55. П. Э. Шрамм здесь вовсе не оригинален: мнение, что «камелавкий» и «фригий» — просто разные названия одного и того же предмета — высказывалось давно и часто, см., например: *Le Liber pontificalis*. T. 1. P. 394; *Woolley R. M.* *Coronation Rites*. Cambridge, 1915. P. 159–160; *Klewitz H.-W.* *Die Krönung des Papstes* // *ZRG*. Bd. 61. KA. Bd. 30. 1940. S. 96–130, здесь S. 109, 112; *Andrieu M.* *Op. cit.* P. 169–170, 173.

идет о совершенно разных предметах. Для начала он страстно доказывает, что камелавкий плотно облегал голову, а фригий, напротив, конусом возвышался над ней²⁶. Этот частный вопрос служит Й. Деэру, конечно же, только остановкой на пути к обоснованию куда более общего предположения: фригий, в отличие от камелавкия, являлся непосредственным заимствованием (к тому же не случайным, а вполне осознанным) из императорского церемониала. Й. Деэр убежден, что у позднеримских и византийских императоров имелся головной убор белого цвета, родственный персидской тиаре, называвшийся фригием²⁷. В определенных случаях (например, для участия в пасхальном шествии) фригий-тиару надевал правящий государь, в других эпизодах эта инсигния могла украшать голову его младшего соправителя. Правда, большинство свидетельств, используемых Й. Деэром, относится к X–XI вв. (он цитирует прежде всего «Книгу церемоний» Константина VII Багрянородного²⁸ и «Алексиаду» Анны Комнины²⁹), но это не мешает ему сделать решительный вывод об узурпации папами в VIII (или IX) в. императорской инсигнии³⁰.

В литературе уже обращали внимание на то, что, например, жесткое терминологическое различие Й. Деэра между двумя видами византийских корон, одна из которых (главная) плотно облегал голову, а вторая (дополнительная) представляет собой как раз фригий-тиару, вряд ли справедливо для времени до Константина Багрянородного³¹. Его же утверждение, что камелавкий Константина I никак не мог иметь даже небольшого заострения наверху, представляется сейчас слишком категоричным — современники пользовались словом «камелавкий» вовсе не с той строгостью, какую от них требуют сегодняшние историки³². Однако стоит хоть немного отступить от

²⁶ *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes. S. 421–423. Несколько дополнительных аргументов приводится в: *Ladner G. B.* Der Ursprung. S. 450.

²⁷ Хотя Й. Деэр проявляет бескомпромиссность по поводу принципиального характера различия между «круглым» камелавкием и «коническим» фригием, он, напротив, совершенно не склонен различать между «фригийской шапкой» с ее свисающим вперед верхним концом и стоящей вертикально тиарой. В данном случае он настаивает на смысловой «синонимичности» обоих уборов. См. *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes. S. 425–426.

²⁸ *Constantin VII Porphyrogénète.* Le Livre des Cérémonies / Ed. par A. Vogt. T. 1. P., 1967. P. 72, 97, 176 (I, 10; I, 26; I, 46)

²⁹ VI, 8.

³⁰ *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes. S. 422–426.

³¹ *Sirch B.* Der Ursprung der bischöflichen Mitra und päpstlichen Tiara. St. Ottilien, 1975. S. 60–62.

³² *Kolias T.* Kamelaukion // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. Jg. 32/3. 1982. S. 493–502. Ср. также сходное указание на разнообразие применения слова «камелавкий» уже в: *Sirch B.* Op. cit. S. 71; *Wessel K., Piltz E., Nicolescu C.* Op. cit. Sp. 387–390.

жесткой позиции Й. Деэра по поводу формы двух шапок, как тотчас исчезают всякие основания проводить строгое различие между камелавкием Константина I и тем предметом, который автор «Константинова Дара» назвал фригием, также и в том, что относится к их функциям и, главное, символическому значению. Более того, сразу больший вес приобретает по меньшей мере одна несомненно общая черта: и камелавкий, и фригий папы носят не на богослужении, а в процессиях.

Тем не менее, Й. Деэру ради увлекшего его образа папы, жаждущего имперского величия, совершенно необходимо было любым путем разорвать всякую связь между камелавкием и фригием, уже хотя бы потому, что ситуация 711 г. менее всего подходила для демонстрации папой Константином каких бы то ни было императорских амбиций. У правившего тогда Юстиниана II и без того накопилось изрядное недовольство римскими епископами. Его он проявил вполне недвусмысленно: не успел Константин сесть на корабль в Неаполе, как императорский наместник явился в Рим, чтобы убить там ближайших его соратников — несомненно с целью сделать папу более чутким к пожеланиям государя³³. Что же могло заставить римских пап всего за несколько десятилетий, разделявших визит папы Константина в столицу империи и составление «Константинова Дара», решительно сменить форму головного убора, в котором они показывались во время процессий, а вместе с ней и его политико-символическое значение?

Й. Деэр не замечает одной серьезной терминологической трудности. Слово «фригий» применительно к папским облачениям в текстах более ранних, чем «Константинов Дар», нигде не встречалось. Поэтому нельзя уверенно утверждать, что сочинитель пользовался распространенным в его время словоупотреблением, что его современники привычно называли папский головной убор фригием. Как раз напротив, создатель фальшивки мог по собственной инициативе впервые перенести на папскую шапку название одного из императорских венцов, если его цель состояла в том, чтобы придать политическому образу папы как можно больше «императорских» черт. Ведь именно такой логикой он, надо полагать, руководствовался, когда переименовывал паллий в лор. Не пытается же Й. Деэр доказывать, будто паллий действительно являлся императорским лором, присвоенным папами в силу их честолюбивых амбиций? Конечно, автор фальшивки явно исходит из того, что его читатель хорошо понимает смысл слова *frugium*, и потому никак его не поясняет. Но должен ли этот читатель связывать фригий обязательно с папой? Ведь слово «лор» ему тоже хорошо знакомо — однако вовсе не из римского, а из константинопольского контекста.

³³ Подробнее см.: *Бойцов М. А.* Папа римский в Константинополе (в печати).

Похоже, что даже спустя длительное время после написания «Константинова Дара» слово «фригий» на Западе Европы не получило распространения. Во всяком случае в IX в. значение его представлялось франкским переписчикам «Константинова Дара» отнюдь не самоочевидным, иначе они не добавляли бы на полях разъяснение: фригий — это то же, что *pilleum* (шапка) или же *mitra*³⁴. Фригий дважды упоминается в странном и трудно датируемом сочинении «Описание золотого града Рима»³⁵, но в связи вовсе не с папой, а с императором. Во-первых, при упоминании облачений государя фригий называется рядом с лором: «О лоре и фригии императора. Пусть же у императора будет лор на шее и фригий на голове, а также золотой торквес, запястья, наручи и браслеты»³⁶. Во-вторых, при перечислении императорских венцов, якобы хранившихся в дни самого рассказчика в Риме, седьмым по порядку называется фригий. Император носит его «в подражание Троянскому царству, от которого произошла Римская империя — ведь только у троянских царей было в обыкновении носить фригий»³⁷. Литературная традиция, которой здесь следует автор, ничего не знает о *панском* фригии и, похоже, сложилась ранее «Константинова Дара», хотя сочинитель работает существенно позже создателя фальшивки³⁸. Предполагать влияние «Константинова Дара» именно на

³⁴ Das Constitutum Constantini (Konstantinische Schenkung). Text. P. 87.

³⁵ Краткую общую характеристику см. в: *Barone G.* *Graphia aureae urbis Romae // LexMA.* Bd. 4. Sp. 1655, издание текста см. в: *Schramm P.E.* *Kaiser, Rom und Renovatio.* T. 2. Leipzig; Berlin, 1929. S. 68–111, с некоторыми дополнениями перепечатано в: *Idem.* *Kaiser, Könige und Päpste. Gesammelte Aufsätze zur Geschichte des Mittelalters.* Bd. 3. Stuttgart, 1969. S. 313–359.

³⁶ «De loro et frigio imperatoris. Habeat autem imperator lorum in collo et frigium in capite, nec non torquem auream, armillas, brachialia et dextralia». — *Schramm P.E.* *Kaiser, Könige und Päpste.* S. 345.

³⁷ «Septima est frigium ad imitationem regni Troiani, de quo Romanum imperium processit; nam frigium reges Troiani ferre soliti erant». — *Ibid.* S. 342.

³⁸ Оба раза фригий упоминается в третьей части произведения — в так называемом *Libellus de segetoniis*. П.Э. Шрамм относит ее приблизительно к 1030 г., однако другие исследователи датируют ее то временем между 966 и 972 г. — *Codice topografico della città di Roma / A cura di Roberto Valentini e Giuseppe Zucchetti.* Vol. 3. Roma, 1946 (Fonti per la storia d'Italia, 90). P. 67–100; *Sirch B.* *Op. cit.* S. 131, а то, напротив, серединой XII в. — *Bloch H.* *Der Autor der «Graphia aureae urbis Romae» // DA.* Bd. 40. 1984. S. 55–175. Автор описания говорит о девятой короне (из павлиньих перьев), что ее носит папа по распоряжению императора (*auctoritate imperiali*). Тем самым сочинитель, думается, ясно демонстрирует свое незнание текста «Константинова Дара». Тем не менее П.Э. Шрамм пытается спасти его репутацию, предположив без всяких оснований, что данная фраза первоначально относилась к фригию и лишь по недоразумению оказалась по соседству с девятой короной. См.: *Schramm P.E.* *Herrschaftszeichen und Staatssymbolik.* S. 56–57, 72.

это место в тексте «Описания», как делает Х. Блох³⁹, крайне странно, ведь тогда получается, что из «Вена Константинова» заимствуется только само слово «фригий», но при этом оно наполняется содержанием, в «Константиновом Даре» начисто отсутствовавшим. Скорее здесь угадывается отзвук одной строки из Вергилия, где упоминается тиара царя Приама, и популярного комментария Сервия (вторая пол. IV в.) к «Энеиде», объяснявшего слово «тиара» как «фригийская шапка» (*pilleum phrygium*)⁴⁰. Если знатоки «Описания» не замечали пока тут этого вергилианского мотива⁴¹, то историки, занимавшиеся историей фригии, не обращали внимания на миниатюру из знаменитого кодекса рубежа IV и V вв. — т. н. Ватиканского Вергилия (*Vergilius Vaticanus*), — где изображена, надо полагать, та самая тиара, или фригийская шапка, троянских царей, как ее представляли себе в позднем Риме: она украшает голову Аскания, сына Энея, царя Лавинии и основателя Альбы Лонги⁴² (Рис. 3). Фригий Аскания оказывается вовсе не белым, а красным — как, между прочим, и фригийские шапки трех «царей» (в русской традиции волхвов) на мозаике начала VI в. в равеннском храме Сант-Аполлинаре Нуово⁴³ (Рис. 4). Ее-то как раз упоминают в качестве иконографического доказательства связи между фригием-тиарой и царской властью, прежде всего властью восточных государей, но при этом никак не объясняя перемены в цвете фригия. Дела не спасает и еще один ранний список «Энеиды» — т. н.

³⁹ *Bloch H.* *Op. cit.* S. 151.

⁴⁰ «... hoc Priami gestamen erat cum iura uocatis more daret populis, sceptrumque sacerque tiaras» — *Вергилий.* Энеида VII, 246–247 (в русском переводе С. Ошерова под редакцией Ф. Петровского «тиара» пропала); *Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii / Rec. Georgius Thilo et Hermannus Hagen.* Vol. 2. Lipsiae, 1884. P. 146. Ср.: *Ladner G.B.* *Der Ursprung.* S. 457, где приводятся и другие случаи упоминания тиар и фригиев у античных авторов.

⁴¹ Правда, П.Э. Шрамм упоминает о Сервии в связи с шестой короной, которая, по сведениям автора «Описания», представляла собой митру, использовавшуюся Янусом и троянскими царями. — *Schramm P.E.* *Herrschaftszeichen und Staatssymbolik.* S. 71.

⁴² Зато Г. Ладнер ссылается на изображение тиары на голове у Энея в т. н. Римском Вергилии. — *Ladner G.B.* *Der Ursprung.* S. 457. Anm. 43.

⁴³ Такая трактовка головных уборов трех царей-волхвов не была случайной — очень похожие фригии изображены и на саркофаге из церкви Сан-Витале в той же Равенне. Репродукцию см., например, в: *Dalton O.L.* *Byzantine Art and Archeology.* Oxford, 1911. P. 64. Fig. 36. Й. Деэр считает самым точным изображением императорской тиары шапки на головах «царей-волхвов» на миниатюре в т. н. Псалтири Барберини (Ватиканская апостольская библиотека, *Barberini graecus 372, fol. 120*). — *Deér J.* *Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes.* S. 425. Фригийские колпаки и короткие развевающиеся плащи новозаветных «царей» очень напоминают традиционное облачение бога Митры, но возможность воздействия на образ этих персонажей иконографии Митры специалистами пока, кажется, всерьез не обсуждалась.

Рис. 3. Асканий на совете.
Миниатюра из т.н.
Ватиканского Вергилия.
Рубеж IV и V вв. Фрагмент.

ного цвета троянских фригиев.

«Описание златого града Рима» полезно нам прежде всего подтверждением наличия связи между «фригийской шапкой» и головными уборами восточных царей — связи, которую иначе приходится улавливать из не особенно ясных намеков источников. Так, историки придают, пожалуй, излишне большое значение замечанию Исидора Севильского, поставившего знак равенства между «фригийской шапкой» и «тиарой»⁴⁴. При этом они обычно не вспоминают, что Исидор рассказывает здесь вовсе не о коронах, а о шляпках римских модниц⁴⁵, что «тиары» в его представлении носят только женщины, а «фригийские шапки» — мужчины, причем тиары делаются из шерсти, тогда как «фригийские шапки» — из меха. (Последнее совсем плохо подходит к сияющему белизной фригию «Константинова Дара».) Согласование перечисленных текстов и двух приведенных иконографических памятников между собой состояло бы во вполне вероятном допущении, что фригийский колпак мог и в раннем Средневековье пониматься в качестве «короны» восточных государей, — прежде всего троянских царей, от которых происходили легендарные основатели Рима. Однако эти царские «венцы» были *красного* цвета, и переход от них к *белой* тиаре византийских императоров, о которой пишет

⁴⁴ «Mitra est pilleum Phrygium, caput protegens, quale est ornamentum capitis devotarum. Sed pilleum virorum est, mitrae autem feminarum [...] Pilleum autem, ut praediximus, a pelle erat, nam mitra ex lana est». — *Isidorus. Etymologiae*. XIX, 31, 4–5. Цитируется по изданию: *Isidori Hispalensis episcopi etymologiarum sive originum libri XX / Recognovit W. M. Lindsay. T. 1. Oxonii, 1911*. Опасение, что Исидор допускает здесь некоторую путаницу, высказано в: *Schramm P.E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*. S. 55.

⁴⁵ «De ornamentis capitis feminarum». — *Ibid.*

Римский Вергилий (Vergilius Romanus) конца V в., где фригии-тиары на Энее и его соратниках хоть и не красного цвета, но, видимо, и не белого, а золотого (Рис. 5). Художник, похоже, решил превратить головные уборы троянцев в настоящие короны. Однако если красный цвет довольно часто воспринимается в качестве символического «синонима» золотого, то белый и золотой никогда не заменяют один другого. Так что даже эта миниатюра может рассматриваться в качестве косвенного свидетельства скорее в пользу крас-

Й. Деэр, а тем более к *белому* «фригию» римских епископов отнюдь не самоочевиден — более того, скорее сомнителен.

Сохранившиеся церемониальные распорядки римской церкви впервые «замечают» на голове у папы особый головной убор на рубеже VIII и IX вв. (если принять датировку Ж. Мабильона, В.М. Пертца, Х.В. Клевица и Б. Зирха⁴⁶) или даже только в конце IX в. (если следовать мнению последнего публикатора римских *ordines* М. Андрё). Шапка, мелко упоминаемая в т.н. *Ordo XXXVI*, очень похожа и на «камелавкий» Константина I, и на «фригий» «Вена Константинова»: во-первых, она белого цвета, во-вторых, папа носит ее в процессии, притом когда едет верхом, в-третьих, она похожа на шлем (*cassis*), что позволяет вести бесконечную дискуссию о том, была ли она круглой или же, напротив, конической. Однако название к ней применяется новое: не камелавкий и не фригий, а *regnum*. Слово *regnum* употреблялось в IX в. прежде всего применительно к коронам. Так, в упоминавшемся выше сообщении *Liber pontificalis* о визите Константина I в Константинополь говорится, что император Юстиниан II бросился в ноги папе, не сняв с головы *regnum* — т.е. царского венца⁴⁷. Обозначение

Рис. 4. Три царя (волхва)
Мозаика. Начало VI в. Равенна.
Сант-Аполлинаре Нуово.

Рис. 5. Эней, Акест и Элим приносят
жертву Анхизу.
Миниатюра из т.н. Римского
Вергилия. Конец V в.

⁴⁶ Соответствующая литература указана в: *Sirch B. Op. cit.* S. 113.

⁴⁷ «In die autem, qua se vicissim viderunt, Augustus christianissimus cum regno in capite sese prostravit et pedes osculans pontificis deinde in amplexu mutuo corruerunt...» — *Le Liber pontificalis*. T. 1. P. 224.

папской шапки как *regnum* — короны — вполне отвечало бы духу «Константинова Дара» — но тем существеннее, что составитель чина выбрал в качестве названия для «короны» не *frugium* из фальшивки, а, очевидно, более понятный ему *regnum*⁴⁸.

Точно так же, думается, как и «фригий», «регнум» придает обозначаемому им предмету не свойственный тому смысл. Ведь ни о каком короновании папы в этом чине речи не идет⁴⁹. Нового папу посвящают внутри храма св. Петра, на него надевают красную мантию — *sarra gubea* — главную инсигнию папской власти — и усаживают на трон. После торжественной мессы наследник Петра выходит к лестнице перед собором, где ему должны подать красиво убранного коня (либо же папские носилки). Но прежде *patroni regionum* (вероятно, начальники территориальных подразделений римской армии — «милиции»⁵⁰) трижды споят папе «многая лета». Только после этого конюший возлагает на голову папы *regnum*, а понтифик садится верхом и едет через город к Латерану, приветствуемый по пути ликующими горожанами⁵¹.

Говорить об этом головном уборе как о царском венце можно пока разве что иронически. Судя по контексту, речь идет о шапке, надеваемой всадником, чтобы не застудить на скаку голову. Во всяком случае, она относится к снаряжению для верховой езды, иначе не находилась бы в ведении конюшего. Возлагая эту шапку на папу, конюший точно так же выполняет свою службу, как и тогда, когда придерживает стремя, помогая папе сесть на коня. Правда, о «короновании» папы конюшим составители чина считают

⁴⁸ Бруно ди Сеньи (ум. ок. 1123) в трактате «О таинствах церкви, священных церемониях, а также церковных ритуалах» называет папскую шапку только «*regnum*», даже несмотря на то, что прямо ссылается при этом на «Константинов Дар»: «*Summus autem pontifex propter haec et regnum portat (sic enim vocatur) et purpura utitur, non pro significatione, ut puto, sed quia Constantinus imperator olim beato Silvestro omnia Romani imperii insignia tradidit. Unde et in magnis processionibus omnis ille apparatus pontifici exhibetur, qui quondam imperatoribus fieri solebat*». — PL. Vol. 165. P., 1854. Col. 1108. Ср. также: *Sirch B.* Op. cit. S. 120. Похоже, Бруно сознательно исходит из синонимичности понятий «*frugium*» и «*regnum*».

⁴⁹ Справедливо отмечено еще, например, в: *Braun J.* Op. cit. S. 500.

⁵⁰ *Toubert P.* Europa en su primer crecimiento: de Carlomagno al año mil. València, 2006. P. 388. Хотя сведения, что Рим состоял из 12 округов, дошли только от XII в., высказывается предположение, что это деление восходит еще ко времени византийского дуката.

⁵¹ «*Nos usque ter dicto accedit prior stabuli et inponet ei in capite regnum, quod ad similitudinem cassidis ex albo fit indumento. Et tunc demum ascendit super equum suum et vallatur a iudicibus constipanturque plateae immensis cuneis populorum expectantium eum et cantantium ei laudem*». — *Ordo XXXVI // Andrieu M.* Les Ordines Romani du haut moyen âge. T. 4. Louvain, 1956 (*Spicilegium sacrum Lovaniense. Etudes et documents*, 28). P. 169–170, 173.

уже нужным специально упомянуть (в отличие от поддерживания им стремени) в качестве части складывающегося ритуала. Впоследствии из этой сцены действительно разовьется церемониал папской коронации — может быть, именно под влиянием «монархического» названия, приобретенного папской шапкой⁵². Церемония коронации никогда не обладала для пап таким значением, как для светских правителей — не в последнюю очередь, вероятно, потому, что развилась она из малозначительного эпизода с участием отнюдь не харизматических персон и при использовании совсем не сакральных предметов.

Именно сцена, описанная в *Ordo Romanus XXXVI*, дала Й. Деэру большинство аргументов для сближения папского «фригия» с тиарой византийских государей. Забудем на время, что довольно стройная система использования корон разных цветов, описанная в «Книге церемоний», не упоминалась до Константина VII Багрянородного ни одним автором и потому вряд ли могла сложиться ранее его собственного времени⁵³, а то и вообще была придумана им самим⁵⁴. Не будем обращать внимание и на предположение, что «цвет» венца, которым он обозначался в «Книге церемоний» (там упоминаются, помимо белой короны, еще синяя, зеленая и красная), определялся цветом одного лишь «главного» камня над челом, а не материалом, из которого сделан сам венец⁵⁵. Даже без учета этих соображений позиция Й. Деэра оказывается совсем не столь прочной, как он ее, похоже, считал.

Так, Й. Деэр пишет, что и папскую шапку, и императорскую тиару надевали лишь для участия в процессиях⁵⁶. Это верно, но организация таких процессий представляется не очень сходной. В Константинополе, если верить Константину Багрянородному, «цветные» короны использовались только парами: в венце одного цвета государь отправлялся в церковь и в венце дру-

⁵² Первое сообщение о короновании папы относится к восшествию Николая II в 1058 г., правда, оно вышло из-под пера его недоброжелателя — Бенцо, епископа Альбийского — и потому может быть чрезмерно тенденциозным.

⁵³ См., например: *Dagron G.* Couronnes impériales. Forme, usage et couleur des stemmata dans le cérémonial du Xe siècle // *Byzantina Mediterranea. Festschrift für Johannes Koder zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Klaus Belke, Ewald Kislinger, Andreas Külzer, Maria A. Stassinopoulou.* Wien; Köln; Weimar, 2007. S. 157–174, здесь S. 169. Статья любезно указана П. М. Шукуровым.

⁵⁴ О возможном авторстве Константина именно для данной главы см.: *Vogt A.* Le Livre des Cérémonies. T. I. Commentaire. P., 1967. P. 175.

⁵⁵ Предположение выдвинуто в: *Ebersolt J.* Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines // *Revue de l'histoire des religions.* T. 76. 1917. P. 1–128 (непечатано также в: *Idem.* Constantinople: recueil d'études, d'archéologie et d'histoire. P., 1951), развито в: *Christophilopoulou A.* Ta eis tous naous tês Kônstantinoupoleôs autokratorka stemmata // *Hellénika: philologikon istorikon kai laographikon periodikon syngramma.* T. 15. 1957. P. 279–285 и поддержано в: *Dagron G.* Op. cit. P. 169.

⁵⁶ *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes. S. 426.

того цвета из нее возвращался⁵⁷. Однако о «парных» венцах в Риме ничего не слышно — «регнум» существует там сам по себе. Далее, согласно Й. Деэру, и папы, и императоры надевают белые фригии-тиары при *возвращении во дворец*. Это справедливо для императоров, но не для пап, потому что папа не *возвращается* в Латеранский дворец, а едет как раз его занимать. Сходство могло бы состоять в ином: и папы, и императоры надевают белые головные уборы *после* торжественного богослужения и приобщения святых даров, отчего и белизну венца можно было бы трактовать, скажем, как символ очищения души через причащение⁵⁸ — однако это обстоятельство внимания Й. Деэра не привлекло. Конечно, Й. Деэр прав, что и папе, и императору их головные уборы надевают светские лица, однако «вес» препозита дворца в Константинополе, кажется, намного выше, чем у конюшего в Риме⁵⁹. К тому же должность конюшего более специализирована как в прагматических делах, так и церемониальных вопросах — отчего и возникает подозрение, что папский «регнум» изначально был связан с верховой ездой, раз он оказался в руках именно у этого служителя. Строго говоря, можно усомниться и в цвете императорской тиары. Возвращаясь из храма в пасхальный понедельник, император, если захочет, может заменить «белый венец» на «тиару, или туфу»⁶⁰. Конечно, такая замена позволяет допустить, что тиара была сделана из белого материала, но ведь ее могли предпочесть обычному венцу по каким-то совсем иным, не названным в тексте, причинам. Наконец, выходит, что тиару (а не обычную «белую корону») императору можно носить только в два праздничных дня — в понедельник после Пасхи и в «полутроицу» (в среду четвертой пасхальной седмицы). Первый случай хорошо согласовывался бы с символикой фригия, как ее толкует «Константинов Дар» (цвет шапки обозначает воскресение Господне), если бы не вопрос,

⁵⁷ Сведения «Книги церемоний» на этот счет удобно сведены в: *Dagron G.* Op. cit. P. 168.

⁵⁸ В пасхальное воскресенье император может направиться в св. Софию в белом венце. Но тогда он должен возвращаться в венце не белого, а красного цвета. В день Всех святых и на Благовещение император свободен в выборе своего венца. Во всех остальных случаях белый венец используется только при возвращении из церкви. Вне церковных праздников автор «Книги церемоний» предоставляет императору свободу выбирать цвет венца, в котором он появляется на Ипподроме при конных ристаниях. Подробно см.: *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies / Ed. par A. Vogt. T. I. P., 1967. P. 175–179. I, 46 (37).*

⁵⁹ Препозит не только возлагает тиару, но и снимает ее: *Ibid.* P. 72, 76. I (10); 97, 99. I, 26 (17).

⁶⁰ «Δείλῃς δὲ ἐν τῇ ὑποτροφῇ, περιβάλλονται τὰ κολώβια, ἤγουν τοὺς κριοὺς, καὶ τὰ διάλθα ζωστικά σπαθία καὶ στέμματα λευκά, εἰ δὲ βουληθῶσι βάλλειν τὰς τιάρας, ἤγουν τὰς τούφας, περιβάλλονται αὐτάς». — *Ibid.* P. 176. I, 46 (37). Другим названием тиары, наряду с «туфой», была «тога». Упоминание о ней см.: *Ibid.* P. 72, 76. I, (10). Ср. также: *Vogt A.* Op. cit. P. 113.

почему для церемонии поставления нового римского епископа вдруг решили бы заимствовать лишь один данный — притом далеко не самый яркий — элемент пасхального празднества? Более того, он элемент и необязательный, раз тиару можно заменять на белый венец. На «полутроицу» тиару, вероятно, тоже носили не всегда, поскольку Константин Багрянородный в одной главе требует ее использования⁶¹, а в другой — нет⁶². Относительно возможности замены «белого венца» на туфу-тиару по другим праздникам остается только гадать — во всяком случае Константин VII на сей счет ничего не пишет.

Возвращаясь из Константинополя обратно на Запад, обратим внимание на то обстоятельство, что обозначение именно *папского* головного убора как фригия становится там сколько-нибудь обычным сравнительно поздно — лишь в первой половине XII в. Здесь, надо полагать, проявилось прямое влияние текста «Константинова Дара», только со времен пап-реформаторов конца XI в. действительно начавшего приобретать авторитетность⁶³. Однако уже к концу века ясно определится преобладание «regnum» над «frugium». Наконец, в том же XII в. впервые головной убор папы назовут тиарой⁶⁴. Как полагает Г. Ладнер, это терминологическое новшество обязано своим возникновением Вульгате, где *thyara* украшала первосвященника⁶⁵. Однако привычным слово «тиара» станет только в XIII в., и именно тогда это обозначение начнет теснить все ему предшествовавшие — *frugium*, *regnum* и даже просто *согона*.

Конечно, для разрешения споров о «камелавкии — фригии — регнуме» лучшим подспорьем оказались бы визуальные свидетельства, однако их пока слишком мало. Первое известное изображение папской шапки можно видеть на монетах папы Сергия III (904–911)⁶⁶ (Рис. 6). Форма у нее несомненно коническая, как и на всех других ранних изображениях — например, в свитке *Exultet* из Бари, относящемся примерно к 1026 г.⁶⁷ (Рис. 7), или в похожем свитке монтекассинском, датировемом

⁶¹ *Constantin VII Porphyrogénète.* Op. cit. P. 97, 99. I. 26 (17).

⁶² *Ibid.* P. 176. I, 46 (37).

⁶³ Примеры из текстов XII в. собраны в: *Sirch B.* Op. cit. S. 124–126. См. также: *Ibid.* S. 160–162.

⁶⁴ «His aliisque laudibus sollempniter peractis, clamide coccinea indutur a patribus et thyara capiti eius imposita comitante turba cum cantu Lateranum vectus [...] adducitur». — *Le Liber pontificalis / Ed. par Louis Duchesne. T. 2. P., 1892. P. 296* (в биографии папы Пасхалия II).

⁶⁵ *Ladner G. B.* Der Ursprung. S. 461.

⁶⁶ *Ibid.* S. 462; Taf. 88, 1, а также: *Idem.* Die Papstbildnisse des Altertums und des Mittelalters. Bd. 1. Città del Vaticano, 1941 (Monumenti di antichità cristiana. Serie 2, 4). S. 160–161; Taf. XXVc.

⁶⁷ См. новое издание: *Exultet. Rotoli liturgici del medioevo meridionale / Dir. Guglielmo Cavallo. Roma, 1994. P. 129–141* особенно P. 133 (комментарий) и 140 (репродукция). Свиток хранится в Архиве капитула митрополии под шифром *Exultet I*.

Рис. 6. Монета папы Сергия III (904 – 911). Фрагмент.

ру»⁶⁹ (Рис. 9–10). Наконец, мы видим первый несомненный фригий, но только таким, как его представлял себе заказчик росписи в середине XIII в., а не изготовитель фальшивки VIII или IX в.⁷⁰ В любом случае сравнить этот папский головной убор с императорской митрой возмож-

⁶⁸ Ibid. P. 235–247, особенно P. 238 (комментарий) и 247 (репродукция). Данный свиток находится в Ватиканской библиотеке под шифром Barberini Lat. 492.

⁶⁹ Об этом цикле фресок и обстоятельствах его создания см. прежде всего: *Sohn A. Bilder als Zeichen der Herrschaft. Die Silvesterkapelle in SS. Quattro Coronati (Rom) // Archivium historiae pontificiae. Vol. 35. 1997. S. 8–47, а также: Mitchell J. St. Silvester and Constantine at the SS. Quattro coronati // Federico II e l'arte del duecento italiano. Atti della III settimana di studi di storia dell'arte medievale dell'università di Roma [15–20 maggio 1978] / A cura di Angiola Maria Romanini. Vol. 2. Galatina, 1980. P. 15–32 с дальнейшими библиографическими указаниями.*

⁷⁰ До сих пор, кажется, не обращено должного внимания на «умеренную» трактовку художником вопроса о судьбе золотого венца Константина. Если, например, Бенцо, епископ Альбийский, полагал, что корона осталась у Сильвестра и тот позже короновал ею Константина (власть императора оказывалась тем самым производной от власти папы), то на фреске, похоже, корона, отвергнутая папой, остается у императора. Зависимость императорской власти от папской символически выражается здесь в том, что Константин выполняет для папы службу младшего конюшего с венцом на голове, т. е. не как частное лицо, а как носитель сана.

временем около 1087 г.⁶⁸ (Рис. 8). По поводу цвета шапки можно спорить: в первом случае назвать ее белой сложнее, чем во втором, где, учитывая условность используемых в *Exultet* цветов, ее, кажется, допустимо считать скорее белой, чем красной. Похоже, что и на монете, и на всех других ранних изображениях художники с самого начала подразумевали, что шапка папы сделана не из металла или иного твердого материала, а из какого-то текстиля. Каким словом называли сами художники эту шапку — камелавкием, фригием, регнумом или короной — остается только догадываться. И только знаменитые фрески капеллы св. Сильвестра в римском храме Четырех коронованных святых мучеников не оставляют на сей счет никаких сомнений, поскольку они служили иллюстрациями к «Константинову Да-

Рис. 7. Композиция «Власть духовная». Свиток *Exultet* из Бари. Ок. 1026 г. Фрагмент.

Рис. 8. Композиция «Власть духовная». Свиток *Exultet* из Монтекассино. Ок. 1087 г. Фрагмент.

ности нет, поскольку сколько-нибудь достоверного ее изображения не обнаружено. Правдоподобнее всего выглядит, пожалуй, продолговатая, вытянутая вверх, «корона» на голове короля Танкреда в интерпретации сицилийского миниатюриста, иллюминировавшего в 1195–1197 гг. стихотворную «Книгу к чести императора» (*Liber ad honorem Augusti*) Петра из Эбуло⁷¹ (Рис. 11). Однако надежным это свидетельство считать нельзя уже потому, что мы имеем здесь дело со своего рода политической карикатурой, где художник мог дать полную волю фантазии. Когда же, например, Ж. Дагрон предлагает увидеть митру-туфу-тогу на знаменитом «плате Гунтера» из Бамбергского епархиального музея, датированном примерно серединой XI в., он явно заблуждается⁷². На головах обеих дев, подносящих дары (шлемы) императору, вовсе не тиары, а упрощенные венцы в форме городских стен — типичный атрибут тех женских фигур,

⁷¹ См. издания: *Petrus de Ebulo. De rebus Siculis carmen* / Ed. Ettore Rota. Città di Castello, 1904–1909 (RIS, 31 / 1) и *Petrus de Ebulo. Liber ad honorem Augusti sive de rebus Siculis. Codex 120 II der Burgerbibliothek Bern. Eine Bilderchronik der Stauferzeit* / Hrsg. von Theo Kölzer und Marlis Stähli. Sigmaringen, 1994. Миниатюра находится на л. 63.

⁷² *Dagron G. Op. cit. P. 158. Note 10.*

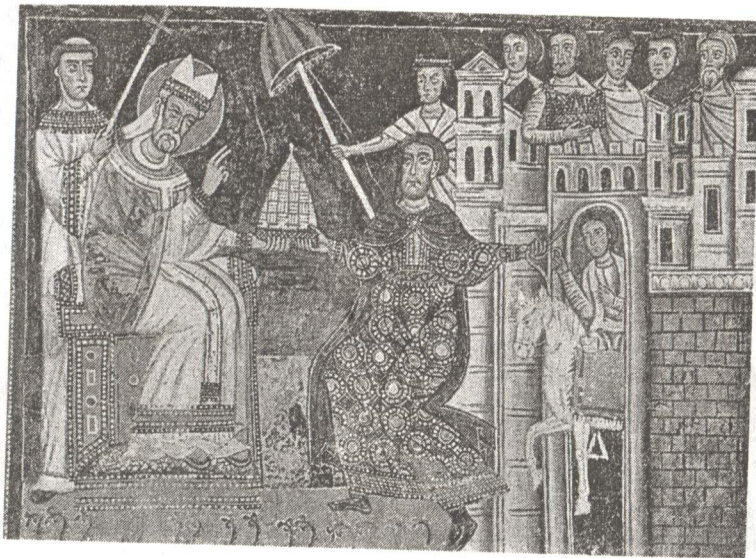

Рис. 9. Император Константин передает фригий папе Сильвестру.
Сер. XIII в. Фреска. Рим. Санти Кватро Коронати.

что в официальной позднеимперской иконографии выполняли роль персонификаций городов⁷³ (Рис. 12).

Наряду с прочими предметами, полученными Сильвестром, согласно «Константинову Дару», фригий, как уже упоминалось, предстал в интерпретации едва ли не большинства историков ясным выражением цезаристских претензий римских епископов. Претензий, выходит, чуть ли не исконных, раз они были высказаны еще в VIII или IX в., задолго до ключнического движения и реформ Григория VII. Немецкие историки особенно легко усматривали в «Вене Константиновом» бесспорное доказательство ранних стремлений пап к узурпации как политико-правовых прерогатив императоров, так и средств их символической репрезентации. Для немцев одним из ключевых моментов их национальной истории всегда был т. н. спор из-за инвеституры конца XI в. и последовавшее затем долгое противостояние императоров и пап. Тем важнее для них было вскрыть как можно более глубокие исторические корни тех событий, приведших в конце концов к крушению империи Штауфенов. Соответственно, фригию на

⁷³ О такого рода персонификациях см. краткое разъяснение с указанием дальнейшей литературы: *Бойцов М. А.* Величие и смирение. С. 25–27.

Рис. 10. Император Константин ведет коня папы Сильвестра.
Сер. XIII в. Фреска. Рим. Санти Кватро Коронати.

голове папы римского особенно легко было в глазах именно немецких историков предстать элементом *императорского* облачения, *присвоенным* понтификом⁷⁴. Надевая его, папа претендует на то, чтобы самому быть императором, по меньшей мере, в западной части Европы, а то и во всем христианском мире. Более того, папа становится не только *рядом* со светским государем, но и *выше* его, оказываясь своего рода «сверхимператором»⁷⁵. В специальной литературе можно встретить бесчисленные вариации на эту тему: «Константинов Дар» выражает претензии папы на то, чтобы занять место императора не только в политическом, но и в метафизическом универсуме. По сути дела папы делают попытку совершить мировоззренческий переворот во всем христианском мире. Попытка эта оказалась при создателе фальшивки неудачной, однако за ней со временем неизбежно должны были последовать новые, и предпринятые в XI–XIII вв. оказались намного успешнее...

⁷⁴ *Deér J.* Byzanz und die Herrschaftszeichen des Abendlandes; *Ladner G.B.* Der Ursprung.

⁷⁵ *Eichmann E.* Weihe und Krönung des Papstes im Mittelalter. München, 1951 (Münchener theologische Studien. III. Kanonistische Abteilung, 1). S. 22–25.

Рис. 11. Самозванец Танкред с тиарой на голове. Конец XII в. Миниатюра.

Главный недостаток таких объяснений состоит, думается, в том, что в их основе лежат неверные представления о кругозоре и складе мышления авторов такого рода документов. Любые фальшивки составлялись не ради доказательства абстрактных политико-богословских тезисов, а для достижения предельно конкретных и, как правило, сугубо приземленных целей. И такие цели «Константинова Дара» неплохо просматриваются в самом его тексте. Распоряжение Константина должно сохранять свою силу «вплоть до конца мира» и связывать тем самым «перед лицом Бога Живого... и ужасного Его суда» «всех наших преемников-императоров, всех оптиматов и начальников провинций», а также сенат и народ «по всему кругу земель» обязательством не менять ничего в привилегиях, предоставленных

первым императором-христианином святой Римской церкви и *всем* ее предстоятелям⁷⁶. (Слово «все» здесь нужно, чтобы легко перейти от папы Сильвестра к папе, правящему во время работы фальсификатора).

Уже из этих слов ясно следует, что автор вовсе не собирался «упразднить» императорскую власть или же «заменять» императора папой, в чем его так часто подозревали позднейшие историки. В его концепции константинопольский государь продолжает править миром — но с некоторыми ограничениями. Содержание этих ограничений суммируется, как и следует ожидать по законам риторики, в одной из последних фраз документа: Константин переносит «империй и царскую власть» в восточные земли, и «устанавливает» их в «наилучшем месте в окрестностях Византия», где строит город своего имени, ибо несправедливо, «чтобы у земного императора была власть там же, где небесным императором поставлен первей-

⁷⁶ «Haec vero omnia, quae per hanc nostram imperialem sacram et per alia divalia decreta statuimus atque confirmavimus, usque in finem mundi illibata et inconcussa permanenda decernimus. Unde coram deo vivo, qui nos regnare praecepit, et coram terribili eius iudicio obtestamur per hoc nostrum imperiale constitutum omnes nostros successores, imperatores vel cunctos optimates, satrapes, etiam amplissimum senatum et universum populum in toto orbe terrarum, nunc et in posterum cunctis retro temporibus, imperio nostro subiacentem, nulli eorum quoque modo licere haec, quae a nobis imperiale sanctione sacrosanctae Romanae ecclesiae vel eius omnibus pontificibus concessa sunt, refragare aut confringere vel in quoquam convelli». — Constitutum Constantini, 19. (P. 95–96).

ший из священников и глава христианской религии»⁷⁷. У власти, о которой идет здесь речь, имеется тем самым пространственный, территориальный аспект, который получает некоторую конкретизацию в других, не менее хорошо известных статьях «Константинова Дара». Константин передает построенным им в Риме церквям владения на западе и востоке, севере и юге империи — в Иудее, Греции, Азии, Фракии, Африке и Италии, а также «различные острова»⁷⁸. (Бросается в глаза, что в этом перечне, как и вообще во всем документе, не упоминается Галлия, что, вероятно, можно отнести к числу аргументов против возникновения «Константинова Дара» во Франкском королевстве).

Так, может быть, «Константинов Дар» появился из протеста против конфискации владений папы римского византийским императором Львом III (717–741)? Папа Григорий II (715–731) не поддержал начатую василевсом в 726 г. кампанию против почитания икон, за что тот и реквизировал папский викариат в Салониках, а также на Сицилии и юге Италии, переподчинив эти области патриарху Константинопольскому. Именно с тех пор папы и занялись всерьез укреплением и расширением своего патримония в Центральной и Северной Италии как основной, если не единственной у них оставшейся, материальной опоры власти. Однако другие статьи «Дара» не подкрепляют такого предположения. Так, только что приведенное место о переезде Константина на

⁷⁷ «Unde congruum prospeximus, nostrum imperium et regni potestatem orientalibus transferri ac transmutari regionibus et in Byzantiae provincia in optimo loco nomini nostro civitatem aedificari et nostrum illic constitui imperium; quoniam, ubi principatus sacerdotum et christianae religionis caput ab imperatore caelesti constitutum est, iustum non est, ut illic imperator terrenus habeat potestatem». — Ibid., 18. (P. 94–95).

⁷⁸ «Construximus itaque et ecclesias beatorum Petri et Pauli, principum apostolorum [...] et rebus diversis eas ditavimus, et per nostras imperialium iussionum sacras tam in oriente quam in occidente vel etiam septentrionali et meridiana plaga, videlicet in Iudaea, Graecia, Asia, Thracia, Africa et Italia vel diversis insulis nostram largitatem eis concessimus, ea prorsus ratione, ut per manus beatissimi patris nostri Silvestrii pontificis successorumque eius omnia disponantur». — Ibid., 13. (P. 85–86).

Рис. 11. Дева, подносящая дар императору. Сер. XI в. Вышивка. Фрагмент.

Босфор вряд ли может хоть как-то помочь в деле возвращения римскому епископу, скажем, Салоник.

Скорее автора «Константинова Дара» беспокоят прежде всего собственно итальянские «владения св. Петра». О масштабах территориальных претензий пап в Италии дает представление «Пипинов Дар», вернее ссылки на этот утраченный документ. К интересующим пап землям относятся наряду с римским дукатом равеннский экзархат, Пентаполис и некоторые другие области, духовенство которых привыкло собираться на провинциальные синоды в Риме. Иными словами, папы стремились включить в свой светский патримоний все епископства, на которые распространялась их пастырская власть. Аналогичным образом действовали в то время архиепископы Неаполя, взявшие в свои руки должность местного *dux*, и архиепископы Равенны, стремившиеся стать «по совместительству» экзархами⁷⁹.

Главное противодействие планам римских епископов исходило по уже успевшей сложиться традиции вовсе не из Константинополя, а от лангобардов, которых в Риме, похоже, крайне боялись и ненавидели по причинам, остающимся в сохранившихся текстах так до конца и не проговоренными. В любом случае в Риме ощущали постоянную опасность, исходившую от лангобардов, и в борьбе против нее Рим и Константинополь независимо от разногласий между ними обычно действовали как союзники.

Данное обстоятельство не в последнюю очередь объясняет, почему римские папы окончательно отложились от империи только в 800 г., провозгласив императором франкского короля — т. е. выдвинув узурпатора, подняв мятеж против константинопольского правительства. Сближение между папским престолом и франкскими государями, Пипином, а затем Карлом, основывалось тоже в первую очередь на совместном противостоянии лангобардам⁸⁰. Между тем на протяжении и VII в., и VIII в. в Риме пережили множество неприятностей от константинопольских властей (аресты, насилия, убийства, ослепления, изъятия ценностей и т. п.), то скрытыми, то явными жалобами на которые полон *Liber pontificalis*. Всем этим бедам хроника уделяет куда больше места, чем предполагаемым историками притеснениям со стороны лангобардских королей, но именно лангобарды остаются главной мишенью ее критики.

Конечно, в одном важном пункте политика константинопольского двора вступала в резкое противоречие с интересами папского престола: вре-

⁷⁹ Schimmelpfennig B. Das Papsttum von der Antike bis zur Renaissance. Darmstadt, 1996. S. 91.

⁸⁰ Во франкской знати явно не было единства по вопросу об отношении к лангобардам и Риму. Странники сближения именно с лангобардами составляли сильную партию при франкском дворе, к которой относилась, видимо, Бертрада — супруга Пипина и мать Карла. Это легко вычитывается между строк эйнхардовской «Жизни Карла Великого».

мя от времени василевсы начинали поддерживать архиепископов Равеннских в их стремлении сохранить независимость их кафедр от апостола Петра⁸¹. Однако пик равеннского «сепаратизма» пришелся на VII в., и ко времени составления «Константинова Дара» (будь то середина VIII или начало IX в.) он уже изрядно пошел на убыль, хотя отнюдь не исчез.

Помимо «равеннского вопроса» отношения между папским престолом и Константинополем сильно портило иконоборчество, ставшее в 730 г. по воле императора Льва III (717–741) официальной государственной политикой. В 731 г. папа Григорий III даже провозгласил анафему императору-иконоборцу, что, впрочем, видимо, не мешало ни Льву III, ни его преемнику, тоже иконоборцу, Константину V (741–775) рассматривать епископов Рима в качестве своих подданных, которых, правда, стоило бы примерно наказывать за непослушание. Более того, в Риме тоже продолжали себя считать подданными императора, хотя и еретика — судя по тому, что чеканка там золотой монеты с портретом и именем правящего государя прекратилась только после кончины Константина V, а датировка грамот по годам правления царствующего государя продолжалась еще до 772 г.⁸²

Несмотря на многочисленные конфликты между папами и императорами и несмотря на относительную редкость прямого военного вмешательства империи в итальянские дела, на слабость ее противодействия натиску

⁸¹ Так, архиепископ Маур (648–671), отлученный папой, но и сам отлучивший папу, получил поддержку от императора Констанца II, объявившего Равенну автокефальным архиепископством, глава которого будет получать паллий от императора, а не от папы. Действительно, его преемник Репарат (671–677) был выбран тремя епископами без участия папы и получил паллий в Константинополе. Хотя Константин IV отменил указ своего предшественника и восстановил подчинение Равенны Риму, Репарату удалось добиться по меньшей мере того, что всякий новый равеннский предстоятель, являясь за посвящением в Рим, имел право не задерживаться там более восьми дней. Репарат так ценил это право, что заказал мозаику для апсиды храма Сант Аполлинаре ин Классе, которую можно видеть и сегодня, с изображением сцены передачи императором привилегий и стихами, объясняющими смысл этой сцены — «...et iussit, et eorum effigies et suam in tribunali cameris beati Apolenaris depingi et variis tessellis decorari, ac subter pedibus eorum binos versus metricos describi...» — Agnelli qui et Andreas liber pontificalis ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae, 1878 (MGH SS. rer. Lang. 1). P. 265–391, здесь P. 353–354 (cap. 115). Хотя преемник Репарата Теодор окончательно отказался от претензий на автокефалию, сепаратизм по отношению к папскому престолу не умирал в Равенне вплоть до высокого Средневековья. Об Агнелле Равеннском см. на русском языке: Бородин О. П. Средневековые «книги понтификов» — формирование историографического жанра // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 64–72; Он же. Итальянский историк IX в. Агнелл из Равенны и его мировоззрение // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 49–66.

⁸² Deér J. Die Vorrechte des Kaisers in Rom (772–800) // Schweizer Beiträge zur Allgemeinen Geschichte. Bd. 15. 1957. S. 1–63, здесь S. 6, 8.

лангобардов, римские папы долго подчеркивали свою лояльность императорской власти, и римская *militia* активно подавляла случавшиеся против нее мятежи. Очевидно, различные политические неудобства и даже порой весьма серьезные неприятности не могли перевесить легитимирующего значения принадлежности к империи. Даже то, что со времени понтификата Захарии (741–752) папский престол начал в политических вопросах все больше ориентироваться на франков, само по себе еще необязательно должно было привести к разрыву ставшей уже скорее теоретической зависимости от Константинополя. Чтобы пытаться «запретить» императорам всякое вмешательство в итальянские дела (а в этом, видимо, и состоит в значительной мере пафос «Константинова Дара»), просто фактического отсутствия императорских наместников и учреждений в Средней Италии было мало. Здесь требовалась особая ситуация, когда, с одной стороны, нерасположение константинопольских властей к Риму должно было выйти за рамки обычных трений и неудобств, а с другой, вероятность выхода конфликта с уровня обмена неласковыми словами на уровень более жесткого противостояния представлялась бы весьма высокой.

Именно такая редкая ситуация возникла, думается, в понтификат Павла I (757–767), и странно, что историки «Константинова Дара» до сих пор не присмотрелись к ней⁸³, даже несмотря на то, что в особенностях языка «Константинова Дара» улавливаются черты сходства с текстами, выходящими из канцелярии именно этого папы⁸⁴.

В 756–757 гг. в Италии произошла смена обоих главных политических игроков: в 756 г. на охоте погиб король лангобардов Айстульф, отвоевавший в 751 г. равеннский экзархат у империи и поведший столь решительное наступление на владения папы, что тому пришлось призвать на помощь франкского короля Пипина. На смену укрошенному франками в ходе кампаний 755 и 756 гг. Айстульфу (после весьма непродолжительного правления его брата Ратхиза) в начале 757 г. пришел Дезидерий, решительно взявшийся за восстановление мощи лангобардского королевства, ослабленного поражениями от франкских войск. В апреле 757 г. скончался и папа Стефан

⁸³ См. жалобы на невнимание историков к понтификату Павла I, особенно заметное на фоне их повышенного интереса к Стефану II: *Miller D. H. Byzantine-Papal Relations during the Pontificate of Paul I: Confirmation and Completion of the Roman Revolution of the Eighth Century // BZ. Bd. 68. 1975. S. 47–62, здесь S. 47. Ср. также: Baumont M. Le Pontificat de Paul I // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Vol. 47. 1930. P. 7–24.*

⁸⁴ *Scheffer-Boichorst P. Neuere Forschungen über die konstantinsche Schenkung // MIOG. Bd. 10. 1889. S. 304–325, перепечатано также в: Idem. Gesammelte Schriften. Bd. 1. 1903 (Historische Studien, 42). S. 1–62. Поправки и коррективы, снижающие силу доказательных аргументов П. Шефера-Бойхорста, высказаны в: Fuhrmann H. Das frühmittelalterliche Papsttum... S. 273–277.*

III, на место которого был избран его брат Павел I — также сторонник тесного союза с франками. Ему пришлось непросто, во-первых, уже потому, что в Риме существовала сильная проимперская партия, попытавшаяся даже было посадить на престол св. Петра своего ставленника. Во-вторых, оказалось, что Дезидерий вовсе не собирался возвращать в состав патримония города, ключи от которых посланцы победоносного Пипина совсем недавно торжественно возложили на алтарь св. Петра. Более того, король не скрывал своего стремления отобрать у пап еще ряд их земель⁸⁵. Наконец, в-третьих, с 756 г. обозначилась перемена в отношении к Риму Константина V, по-видимому осознавшего, наконец, угрозу интересам империи от союза пап с франкскими государями⁸⁶. Сначала император попытался в ходе переговоров 756–757 гг. нейтрализовать Пипина и заключить с ним союз — с очевидной целью лишить папство мощной поддержки франков. Когда же это не удалось, Константин V предложил союз Дезидерию.

О необычном положении дел рассказывает сам Павел I в письме 758 г. к Пипину, которого он просит о помощи. По его словам, Дезидерий напал на города Пентаполиса (переданные по «дару Пипина» св. Петру) и подчинил лангобардские княжества Сполето и Беневент, князья которых выказывали лояльность папе и франкам⁸⁷. Но главное, лангобардский король договаривается с высокопоставленным представителем императора Георгием о совместных действиях: императорское войско вместе со «всеим народом лангобардов» во главе с Дезидерием захватит Равенну («подаренную» Пипином папе), которая после того останется под властью императора⁸⁸. За это

⁸⁵ Общие обзоры политических событий середины VIII в. см. прежде всего в: *Duchesne L. Les premiers temps de l'Etat pontifical. P., 1911; Bertolini O. Roma di fronte a Bisanzio e ai Langobardi. Bologna, 1943 (Storia di Roma, 9); Idem. Roma e i Longobardi. Roma, 1972; Noble Th. F. X. The Republic of St. Peter: the Birth of the Papal State, 680–825. Philadelphia, 1991.*

⁸⁶ *Miller D. H. Byzantine-Papal Relations... P. 49–51.*

⁸⁷ «... quod praeatus Langobardorum rex, Pentapolensium per civitates transiens, quas beato Petro pro magna anime vestrae mercede contulit, ferro et igne omnia sata et universa, quae ad sumptus hominum pertinent, consumpsit. Sicque Spolaetinus et Beneventanus, qui se sub vestra a Deo servata potestate contulerunt, ad magnum spretum regni vestri desolavit atque ferro et igne eorundem ducatum, loca et civitates, devastavit. Et comprehensum Alboinum ducem Spoletinum cum eius satrapibus, qui in fide beati Petri et vestra sacramentum debuerunt, infixis in eis pessimis vulneribus, in vinculis detinet». — *Epistolae Merovingici et Karolini aevi. T. 1. Berlin, 1892 (MGH Epistolae, 3). Nr. 17. P. 514–517, здесь P. 515.*

⁸⁸ «Et confestim dirigens Neapolim, isdem Desiderius rex accersivit Georgium imperialem missum, qui ad vos Franciam directus fuerat. Cum quo nefariae clam locutus est, iniens cum eo consilium atque suas imperatori dirigens litteras, adhortans eum, ut suos imperiales dirigat exercitus in hanc Italianam provinciam. Et ipse Desiderius cum universo Langobardorum populo professus est Deo sibi contrario auxilium prelati imperialibus exercitibus impertire, quatenus — ex una parte ipse imperatoris exercitus et

имперский флот поможет лангобардам взять Отранто, где отсиживается бежавший от Децидия герцог Беневентский⁸⁹.

Итак, по сведениям Павла I, император-иконоборец ведет переговоры с королем лангобардов о совместных военных действиях против папского Рима: ситуация, еще недавно казавшаяся невероятной и теперь по-новому выстраивающая рисунок политических союзов: лангобарды вместе с императором против папы и франков. То, что у Константина V вряд ли имелась возможность действительно направить в Италию войска, чтобы восстановить равеннский экзархат, мало меняет дело. Главное, угроза появления в Италии его армии казалась Павлу I, судя по его настойчивой просьбе о помощи, вполне реальной. Воссоздание экзархата означало бы утрату важнейших владений, только что переданных Пипином св. Петру. Однако противопоставить такому возможному переделу карты Северной Италии папе было нечего: верховным сувереном в Италии считался, как и раньше, император, и он имел полное право единолично распоряжаться там всеми землями, забрав их, например, у одного должностного лица империи — римского епископа — и отдав их другому — экзарху.

В. Гиреке в свое время жаловался на то, что до сих пор не удалось выявить конкретную политическую ситуацию, из которой можно было бы объяснить содержание «Константинова Дара»⁹⁰. Однако не такая ли именно ситуация сложилась в те несколько месяцев 758 или 759 г., когда имперское вторжение ради возрождения экзархата казалось весьма вероятным? Этой ситуации как нельзя лучше соответствует пафос, с которым «Константинов Дар» отказывает императорам в праве распоряжаться чем бы то ни было в Италии, где главным хозяином может быть один лишь папа римский. Выигрышно для папы звучало бы и противопоставление имен: всякий читатель «Константинова Дара» мог тогда почувствовать контраст между образцовым Константином Великим и «нынешним» Константином V, несомненно далеко отошедшим от образца. Понятнее становится и странный эпизод, в котором св. Сильвестр предъясняет императору

ex alia isdem Desiderius cum universo Langobardorum populo — utriusque dimicantes Ravennantium civitatem comprehendere queant, suamque imperator, quod Dominus non permittat, adimplere valeat in quodcumque voluerit voluntatem». — Ibid.

⁸⁹ «Nam et hoc cum eodem Georgio imperiali misso constituit, ut dromonorum Siciliae stolum in Otorantina civitate dirigatur, ut tam Greci quamque Langobardi ipsam opsidentes comprehendere valeant civitatem; eamque concedat imperatori cum hominibus et facultatibus, quae in ea consistunt; et tantummodo ducem illum atque eius nutritorem Iohannem praedicto regi restituant». — Ibid.

⁹⁰ «Die ... Forschung... hat aber auch den bündigen Beweis erbracht, dass es in diesem halben Säkulum keine historische Situation gibt, aus der heraus alle Einzelheiten der Fälschung gleichmäßig befriedigend erklärt werden könnten» — Gericke W. Wann entstand die Konstantinische Schenkung? // ZRG. Bd. 74. KA. Bd. 43. 1957. S. 3.

ру иконы апостолов Петра и Павла для «опознания» тех «богов», которые, по словам Константина, явились к нему во сне: это выпад против иконоборческой политики Константина V⁹¹. Помимо прочего, Павел I отличался большим почитанием именно св. Сильвестра: он даже основал в родительском доме монастырь св. Стефана и св. Сильвестра с храмом Сан Сильвестро ин Капито, в котором нашли приют греческие насельники, бежавшие от иконоборческой власти⁹². Среди обитателей этого монастыря историки уже пытались разыскивать предполагаемого автора «Вена Константинова» — по рождению грека, но прожившего многие годы в Риме⁹³. Ситуативная привязка «Константинова Дара» к понтификату Павла I представляет этот документ не плодом сугубо теоретических размышлений о соотношении светской и церковной властей или же политических грез о папской державе, охватывающей всю Италию⁹⁴, не мечтой о некоей «сверхимператорской власти» папы⁹⁵, а текстом, составленным ради достижения совершенно конкретной прагматической цели — не допустить утраты св. Петром обширных земель *по воле императора*⁹⁶. Тем не менее

⁹¹ Сомнения в антииконоборческом содержании этой сцены связаны у историков по большей части с теми или иными вариантами датировки «Константинова Дара», которых они придерживаются. См., например: *Grauert H. Die Konstantinische Schenkung [II] // HJb. Bd. 4. 1883. S. 45–95, здесь S. 94; Idem. Die Konstantinische Schenkung [III] // HJb. Bd. 4. 1883. S. 525–617, здесь S. 544–545; Scheffer-Boichorst P. Op. cit. S. 31.*

⁹² «Hic sanctissimus presul in sua propria domu monasterium a fundamentis in honore sancti Stephani [...] necnon et beati Silvestri [...] construxit». — *Le Liber pontificalis. T. 1. P. 464. Об основном см.: Scheffer-Boichorst P. Op. cit. S. 24.*

⁹³ *De Leo P. Op. cit. P. 57–60, 64; Loenertz R.-G. Op. cit. P. 199, 245.*

⁹⁴ Так, например, в: *Döllinger J.J. Op. cit. S. 67: «Er wollte ein grosses, das ganze Italien umfassendes Reich unter päpstlicher Herrschaft...»*

⁹⁵ Соответственно утрачивает значение аргументация тех сторонников поздней датировки «Константинова Дара», которые считают, что середина VIII в. была неподходящим временем для рождения идеи папы как «сверхимператора» или «западного императора», тогда как после коронации 800 г. она могла появиться. См.: *Buchner M. Rom oder Reims die Heimat des Constitutum Constantini? // HJb. Bd. 53. 1933. S. 137–168, здесь S. 152. Такой идеи в «Константиновом Даре» просто никогда не содержалось.*

⁹⁶ Здесь вполне можно согласиться со второй частью характеристики Х. Фурмана, увидевшего в «Даре» «...eher eine Art Kommentar zum Selbstverständnis des Papsttums, denn seine „Magna Carta“» — *Fuhrmann H. Das Frühmittelalterliche Papsttum... S. 291*. Конечно, «Вено Константиново» ни в коей мере не могло замышляться в качестве «Великой хартии вольностей» папства. Однако первая часть того же утверждения представляется неточной: данный текст вряд ли мог быть просто «комментарием к тому, как папство понимало само себя». Такая характеристика страдает академическим теоретизированием и исключает из рассмотрения вопрос о сиюминутной прагматической обусловленности возникновения «Дара». П. Шеффер-Бойхорст, напротив, предложил сразу две версии того, каким могло представляться автору практическое применение

никак не коснуться политико-правовых идей своего времени автор при решении своей задачи не мог. По сути дела ему приходилось вычислять квадратуру круга: создавать концепцию того, как освободиться от власти императора, сохраняя лояльность империи. Он пошел путем обоснования особого статуса самого папы римского — статуса, по сути дела равного императорскому, но не вообще и во всем, а только для определенных целей. Для идей «Константинова Дара» (возможно имевших хождение и до написания этого текста) папский цезаризм являлся не столько исходным пунктом, сколько едва ли не вынужденным необходимым выводом. Папа не потому стремится к независимости, что обладает квазиимператорским статусом, а напротив, потому примеряет на себя такой статус, что очень нуждается в фактической независимости. Иными словами, политический язык эпохи не позволял выразить идею, как мы бы сегодня сказали, суверенитета вне рамок идеи обретения каким-то образом *собственного* «императорского начала».

Итак, основная идея «Константинова Дара» состояла, думается, в обосновании неподвластности папы римского и его владений императору, пребывающему в далеком Константинополе. Эта формулировка, разумеется, страдает приблизительностью, она анахронистична, поскольку то, что легко можно выразить с помощью политической терминологии, сложившейся уже после Бодена, не могло быть даже помыслено в VIII в. Задача, стоявшая перед автором «Константинова Дара», была в сущности неразрешима — ведь ему требовалось найти обоснование независимости от императора в мире, где весь социальный и даже космический порядок был выстроен вокруг императорской власти вообще и фигуры императора, в частности. Император — это в определенном смысле земной аналог Христа, и пытаться освободиться от его власти сходно с нарушением основ всеобщего миропорядка. Императору принадлежит центральная роль не только в делах земных — он важнейший участник эсхатологической драмы. Империя идентична обитаемой вселенной и христианскому миру, поэтому *выйти* из империи по определению невозможно.

Однако какую роль во всей этой истории играет фригий? Как было показано выше, в его случае, точно так же, как и в случае с лором-паллием, куда проще предположить, что мы имеем дело вовсе не с *присвоением* предмета из царского гардероба, более того, императорской инсигнии, а с *переосмыслением* вещи, уже давно имевшейся у пап⁹⁷. Характер тако-

«Константинова Дара». Впрочем, он упоминает их между делом, по сути дела не аргументируя. Обе они не имеют ничего общего с догадкой, предложенной в данной статье. См.: Scheffer-Boichorst P. Op. cit. S. 27.

⁹⁷ Автор «Константинова Дара», обладавший богатой фантазией, не стал бы довольствоваться простой белой шапкой в качестве «императорской» инсигнии для папы, если бы папы его собственного времени, как и более раннего, не носили бы

го переосмысления станет понятнее, если отнестись к «Константинову Дару» не как к теоретическому, а как к полемическому сочинению, представляющему собой реакцию на главные политические угрозы текущего момента. Строки «Константинова Дара», посвященные фригию, следует читать в качестве ответа на аргумент того плана, что только *венценосец* может распоряжаться имперскими владениями. Поскольку же голову папы не украшает царский венец, не его дело определять, кому должны подчиняться те или иные земли империи, а кому нет. Строки «Константинова Дара» должны по сути дела приравнять статус папского камелавкия-фригия к статусу императорской короны. Во-первых, скромная шапка, в которой папа разъезжает верхом по своему городу, сама оказывается царским венцом, украшавшим некогда главу самого Константина Великого. Во-вторых, выясняется, что сверх того папа римский имеет полное право и на «настоящий» золотой венец, тоже полученный от самого Константина, но только не пользуется этой инсигнией по причинам сугубо этического, а не правового свойства. Тем самым пассажи «Константинова Дара», относящиеся к драгоценному венцу Константина и к его же фригию, должны прочитываться в определенном юридическом контексте — в тесной связи с вопросом, может ли папа распоряжаться имперскими владениями в Италии не только независимо от императора, но и вопреки ему. Создатель фальшивки проводит очень сложный и тонкий интеллектуальный эксперимент, опираясь на принцип, который так и хочется назвать «уже не античным, а средневековым». Там, где римский юрист сказал бы: «Получение определенной магистратуры дает право пользоваться инсигниями, этой магистратуре соответствующими», наш автор словно говорит: «Владение инсигниями, соответствующими определенной магистратуре, является доказательством, что их обладатель владеет и самой этой магистратурой». «Античная» логика здесь словно выворачивается наизнанку, и внешний облик правителя (создаваемый инсигниями, свитой и прочим антуражем) оказывается основанием для определения его полномочий. Тут мы имеем дело как раз с тем случаем, когда власть выводится из ее образа, а не образ создается, исходя из возможностей власти. Впрочем, и с «императорским» образом римского епископа дело обстояло совсем не так блестяще, если белую шапку для верховой езды пришлось выдавать за императорский венец.

Шаткость экспериментальной конструкции, выстроенной автором «Константинова Дара», вряд ли осталась незаметной ему самому и заказчику этого сочинения. Да и во все последующие столетия разного рода

уже этот скромный головной убор — аргумент, высказанный еще в: Sachsse C. Tiara und Mitra der Päpste // Zeitschrift für Kirchengeschichte. Bd. 35. 1914. S. 481–501, здесь S. 488–489.

внутренние противоречия в «Вене Константиновом» делали из него обоюдоострое оружие, которое временами обращалось против Святого престола. Но решающим для судьбы фальшивки на первом (и самом кратком) этапе ее существования должна была стать вовсе не хромающая (на взгляд римского правоведа) логика, а быстрая смена политической конъюнктуры. В ситуации, которая здесь рассматривается, такая перемена, действительно, состоялась. Столь напугавший Павла I намечавшийся союз имперского правительства с лангобардами распался уже в 760 г. (если его вообще успели заключить). Такой поворот отнюдь не гарантировал, разумеется, безопасности папских владений от претензий Дезидерия, но во всяком случае лишал его претензии высшей правовой санкции из Константинополя. Тогда-то «Константинов Дар» неизбежно должен был оказаться совершенно ненужным, в результате чего его, надо полагать, и отправили вместе со всеми содержащимися в нем странными идеями в архив, где он и пылился в безвестности несколько десятилетий кряду.

«Архивирование» проекта, предложенного в «Вене Константиновом», удивляет тем менее, что в течение тех же самых десятилетий успешно реализовался конкурентный проект совсем другого плана — куда менее радикальный, а по сравнению с эксцентричными предложениями «Дара» можно даже сказать банальный, но зато, как оказалось, вполне реалистичный. Освобождения папы от обременительной власти Константинополя оказалось проще достичь не через подчеркивание императорских черт в облике пап, а путем создания «собственного» императора. Коронация Карла Великого на Рождество 800 г. представляла собой не что иное, как реализацию именно этой идеи, являвшейся вовсе не продолжением линии «Константинова Дара», как считают многие историки, а напротив, альтернативой ей⁹⁸.

⁹⁸ Совершенно справедливым представляется мнение, что от «Константинова Дара» нельзя «провести прямую линию» к коронации 800 г.: *Ewig E. Das Bild Constantins des Großen in den ersten Jahrhunderten des abendländischen Mittelalters* // *HJb.* Bd. 75. 1956. S. 1–46, перепечатано также в: *Das byzantinische Herrscherbild* / Hrsg. von Herbert Hunger. Darmstadt, 1975 (Wege der Forschung, 341), S. 133–192, здесь S. 174 и в: *Idem. Spätantikes und fränkisches Gallien.* Bd. 1. Zürich; München, 1976 (Beihefte der Francia, 3). S. 72–113. Р.-Ж. Лёнерц идет дальше, предлагая считать «Константинов Дар» альтернативой тому решению «римского вопроса», которое в конце концов реализовал папа Лев III в 800 г. — *Loenertz R.-G. Op. cit.* P. 245. Однако в отличие от автора этих строк, он тоже представляет себе фальсификатора не политическим прагматиком, а скорее теоретиком, которым движет благочестивое почтение к св. Сильвестру, «лояльность по отношению к Римской империи» и, наконец, стремление «пропагандировать» собственное видение «римского вопроса».